

Ода Тюмени

Выпуск 6

2013

Ода Тюмени

Выпуск 6

Муниципальное автономное
учреждение культуры
«Тюменская городская
юношеская библиотека»

Тюмень
Издательский дом «Титул»
2013

ББК 94.3
О 40

Сборник издан при финансировании
Администрации города Тюмени.

Ода Тюмени: Сборник. – Тюмень: ООО «ИД «Титул», 2013. 71 с.

Сборник произведений самодеятельного словесного творчества
жителей города и его окрестностей.

Издано по материалам седьмого открытого городского конкурса
литературного и песенного самодеятельного творчества «Ода Тюмени»
с сохранением авторских редакций.

МАУК «Тюменская городская юношеская библиотека»,
как организатор конкурса, выражает благодарность
Департаменту культуры Администрации города Тюмени
за всестороннюю поддержку конкурса «Ода Тюмени».

ДЯТЛЫ В ГИЛЕВСКОЙ РОЩЕ

Ура! Качу в Гилевку
Я с мамой и сестрой.
Там дятлы быстро, ловко
Врачуют древостой.

Там сосны вековые,
Птенцы во всю пищат.
Родители их кормят
По триста раз подряд.

Снуют трудяги-дятлы,
Примерные отцы.
А через месяц гнезда
Покинут все птенцы.

Качусь я по дорожке
И верю, роще жить,
А дятлы нам помогут
Природу сохранить.

ФОНТАНЫ НА УЛИЦЕ ТУЛЬСКОЙ

Фонтаны на Тульской видны из окна.
Включают всегда к Дню Победы.
Сияют все реже теперь ордена:
Уходят в страданиях деды.

А дети ликуют в каскаде лучей...
Под мирными брызгами визг...
Тюмень не забудет отважных людей,
Отдавших Победе все в жизни.

ОДА УТИНОМУ ОЗЕРУ

Озеро Утиное
Вовсе не старинное,
Просто - котлован.
Мудрые строители,
Отдых не хотите ли?
Рядом великан...
Сжалилось палящее.
Люди настоящие.
Пот похож на град.
Катится на доннышко.
Горько стало Солнышку,
Маг помочь вам рад.
Ноченька туманная
Очень была странная,
Месяц колдовал.
Нет больше страдания.
Нет здесь места зданию.
Это не подвал.
Это мир для уточек,
Смеха, добрых шуточек!
Чудо-красота!
Носики утиные,
Крылышки чуть синие
Холит Доброта.

ОТРАДНЫЙ УГОЛОК

Не грузите меня: убегаю
На свиданье к подружке моей.
Всю-то зимушку я собираю
Угощенье - мешок сухарей.

Моя мама меня понимает,
Хотя сами мы терпим нужду,
Но как только весна наступает,
Вместе с мамой спешу я к пруду.

А подружка моя загляденье...
Даже глаз оторвать не могу.
Как увижу такое волнение
Обнимает всю душу мою.

И она мне, наверное, рада:
Подплывает со всею семьей.
И на сердце так сразу отрадно, –
Радость жизни и просто покой.

Благодать на Утином прудочке
Называют еще озерком,
Подрастают подружкины дочки,
Познакомься, ты вдруг не знаком.

ТЮМЕНСКАЯ ОСЕНЬ

Осень тюменскую люди недаром
Ласково кличут порой золотою!
Стал нам сокровищем, истинным кладом
Дивный пейзаж под небесной фатою.

Гордо сверкает янтарное солнце
В облачной чаше медового неба.
Сонно сияют колосья-червонцы
Теплой периной сибирского хлеба.

Ярким пожаром кленовые листья
В вихре бегут под лимонным закатом.
Грозные молнии в сумрачной выси
Смело блестят переливом граната.

Где-то в низине искрятся росинки,
Прячась игриво в веснушчатых травах.
Призрачным строем летят паутинки
В огненный шквал золотистой дубравы...

В жарком кострище шафрановых лилий
Блеклые дни, словно тучи, растают...
Жаль, только птицы все это не видят –
Птицы на юг, как всегда, улетают.

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ

Я живу на левом берегу,
Берег левый мне теперь по нраву.
Волны вод барашками бегут,
Разбиваясь здесь о переправу.

Солнце над верхушками дерев
Наградит прохожего подарком –
Пеньем птичьим громким нараспев
В хвойной мгле Гагаринского парка.

Здесь не редкость среди бела дня
Встретить и зимой, когда не ждали,
Доброго железного коня
С всадником, пришпорившим педали.

Ловко пойман дикий рев машин –
«Дружба» защитила наших деток
Западной березовых лощин,
И стеной зеленых крепких веток.

И хранят следы чужих шагов
Тротуары, улицы, тропинки,
Где влюбленные прошли без слов,
Где друзья болтали без запинки.

В памяти навечно сберегу,
Даже если вдруг покину город,
Что я жил на левом берегу,
Что я счастлив был, когда был молод.

ТАЙНА

Полумрак пустынных комнат.
В доме дремлет тишина.
Мне теперь не скучно дома,
Даже если я одна.

Я теперь совсем не плачу,
Улыбаюсь, как во сне.
Я на мир смотрю иначе,
Вижу счастье в каждом дне.

- Видно, это не случайно? –
Ты мне тихо говоришь.
Я тебе открою тайну:
Эта тайна – наш малыш.

Он во мне живет и дышит,
Человечек наш родной.
Пусть он слов еще не слышит,
Но зато всегда со мной.

Ты бы только знал, любимый,
Как я время тороплю,
Чтоб шепнуть на ушко сыну,
Как же я его люблю!

Оттого мне и не грустно
Даже в мертвой тишине –
У меня такое чувство -
Будто ты живешь во мне.

СПЯЩЕМУ СЫНУ

Мой славный, милый малыш,
Как жаль, что ты уже спишь.
Лежишь, свернувшись в кроватке,
Такой безмятежный и сладкий
И ровно, спокойно дышишь...
Как жаль, что меня ты не слышишь!

Мне все о тебе рассказали:
О том, что тебя наказали
За то, что ты был упрям,
За то, что кричал: «Я сам!»,
Что ты за столом шалил,
Что суп на себя пролил,
Машинку сломал заводную
И выкрутил ручку дверную,
И лазил в посудный шкаф...
Конечно, ты был неправ.

Но ты у меня один,
Ты - мой любимый сын,
Ты для меня лучше всех,
И я так люблю твой смех!
Я знаю, что ты послушный,
Веселый и добродушный.
И вовсе ты не упрямый, –
Ты просто скучал без мамы.

Ты не слышишь шагов сейчас.
Одеяло с кровати сброшено.
Ты не знаешь, что в поздний час
Я к тебе прихожу непрошеной.

Я сажусь на твою кровать,
Как садятся другие матери,
Чтобы мог ты спокойно спать
И счастливые сны досматривать.

Чуть касаюсь губами глаз
И руки, что на лоб заброшена –
Ты не знаешь, что в поздний час
Я к тебе прихожу, хороший мой.

Ты повернут лицом ко мне,
Ты доверчиво улыбаешься...
Я ласкаю тебя во сне –
Потому что ты днем стесняешься.

ЛЮБИМЫЕ УГОЛКИ ТЮМЕНИ

ВИЗИТКА

Затюменское взлет-возвышение,
Злат-венеч куполов монастырских,
Величавый фасад академии –
Вот визитка ворот сибирских.
Стать Вратами Сибири в рождения день
Предназначено было тебе, Тюмень.

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

На нашей улице, за драмтеатром,
Веселый, славный скверик притулился,
Ребьчьим гомоном и ароматом
Петуний пестрых всем он полюбился.
А охраняет сей мирок уютный
Громадных тополей почтенная чета –
Едва ль не сверстники Тюмени чудной,
Во всяком случае, им точно больше ста.
Какая стать, достоинство, свобода
В стволах могучих и до каждого листка,
Как хороши в любое время года,
Как благородна служба их и высока!
Им все давным-давно известно под луной:
Прожито мудро, понято сердечно,
Их ветви – веером с небесной синевою
Светло и вольно речь ведут о вечном.

МЕМОРИАЛ

Не просто так, не вдруг, не сгоряча
У скорбных плит возвысилась «Свеча»,
А близ земли, сна-устали не зная,
Живой Огонь бессменно полыхает.
«Свечу» вдали увидев мимоходом,
Всех вспомним в раз в жару и непогоду,

Что не вернулись, не пришли домой
С горячих точек и с жестоких войн.
К огню придем и языками пламени
Зажжем все уголки печальной памяти,
А среди яблонь, елей и берез
Омоем души ливнем светлых слез.

КОЛЛЕДЖ ИСКУССТВ

Распахнутые очи Леля
Глубоко в душу проникают,
Мотивы нежные свирели,
Ввысь поднимаясь, улетают;
Мечтателей, творцов и гениев
Они сзывают
И в мир возвышенных стремлений
Сопровождают.

СНЕГ ПАМЯТИ
(посвящается маме)

Седина твоя, седина –
Моей памяти белый снег.
Ты одна у меня, одна,
Как свечи несказанный свет.

Холода кругом, холода –
Стынет льдинкой моя печаль.
Твои руки, как два крыла,
Открывают мне детства даль.

Вижу вновь тебя молодой,
Словно яблонь крутой прибой.
Отшумел тот прибой давно,
Но ты рядом – и мне светло.

Обними меня, обними
Ты волною тепла опять.
Позови меня, позови
Седину твою целовать.

Тишина кругом, тишина –
Только падает белый снег.
Ты одна у меня, одна,
Как свечи незабвенный свет

Обыкновенная богиня
Со мною вовсе не крута –
Обыкновенная богиня
Картошку жарит мне с утра.
Рубашку гладит между делом,
Как птицу белую в руках.
Надену – стану птицей белой

Летать, резвиться в облаках.
Но не нужна небес свобода —
Мне лучше с нею на земле.
Я без нее — без кислорода.
И без костра в таежной мгле.
Мне хорошо с такой богиней —
Картошка жарится с утра.
Жаль одного — неотвратима
На сердце осени пора.

Избушка старая моя —
Старушка белая моя.
Перед тобою я в долгу,
Тебя я в сердце берегу.
Глаза твои зашторены,
Но в них сама история.

УЛИЦА НЕБРОСКАЯ...

Улица неброская без асфальта Обская.
Переулочок-тупичок, словно рыбака крючок
Изогнулся по дуге червячком, скользнув к реке.
От Озерной до Игарской и в жару,
И в день январский на колонку с флягой,
Бочкой по снежку или по кочкам
Уличный спешит народ – воду по домам везет.

Здесь без благ цивилизации,
Как в деревне дальней мы живем
Без инноваций в округе Центральном.
В центре моют улицы и стригут газоны,
У нас же ходят курицы в летние сезоны.
И шумят, не стрижены тополя,
Ростом не обидела мать – земля.

Солнца луч ласкает лист резной ветвей.
Белый пух летает стайкой летних дней.
И стоят неважные домики в рядок,
Как простые граждане, ожидая срок.
А патриархальное время не спеша
Ходит по обочине, ковылем шурша.

ТЮМЕНЬ

Я улетаю, улетаю – один,
Вечернею порой,
Тревога к сердцу прикоснулась –
Мне расставаться жаль с тобой.

Несется лайнер быстроскрылый,
Лишь огоньки горят вдали,
И с высоты видны просторы
Тюменской сказочной земли.

Тюмень, Тюмень – незримой нитью
Соединились мы навек,
Твои старинные кварталы
Преображает Человек.

С тобой встречаюсь неизменно,
Зимой и летом – каждый год,
Богатства недр стране открыла,
Свершила судеб поворот.

Здесь было все: печаль и радость,
И боль потерь, и грусть разлук,
Здесь на неведомых просторах
Трудились сотни крепких рук.

Под гул турбин в бескрайнем небе,
Я вспоминаю город мой,
Осенних дней очарованье,
Колоколов церковных бой.

Кресты в блестящей позолоте
На возрожденных куполах,
Поднявшись гордо в поднебесье,
Явили миру свой размах.

Стоят задумчиво березки,
Желтеет осени наряд,
Печальный шепот листьев сонных
Ко мне доносит темный сад.

Я улетаю, улетаю – один,
Вечернею порой,
Тревога к сердцу прикоснулась –
Мне расставаться жаль с тобой.

И грусть березок оголенных
Теперь понятна и близка –
Разлука с милым нашим краем,
Всегда трудна и нелегка.

Муниципальное автономное
учреждение культуры
«Тюменская городская
юношеская библиотека»

НА МОСТУ ВЛЮБЛЕННЫХ

На мосту, что для Влюбленных,
Стану вновь юной – зеленой.
Вспомню здесь воды тобольи,
Стисну вдруг зубы до боли.

Обернусь чайкою смелой,
Полечу, сил не жалея,
К берегам родины милой –
Только бы вынесли крылья.

Покружусь – вольному воля...
Ни души – что за раздолье!?
Лишь река силы могучей.
Ах, Тобол, нет тебя круче.

Вскрикну я – вслушаюсь в эхо.
Вам смешно – мне не до смеха.
Мне куда с этой любовью?
Сколь летай – нету гнездовья!

Я вернусь грустной, усталой.
На душе легче не стало.
Не летай! Вздрогну: да что ты!
Мне нужны эти полеты.

На мосту, что для Влюбленных,
Стану вновь юной – зеленой.
О, Тура, с легкой волною
Будь водой только живою.

Листья по зеркалу речки
Плывут за ушедшим днем,
Как поминальные свечки
В подсвечниках пред алтарем.

Мостик от тяжести спину
Сутулит и, кажется, спит.
Столетняя ива к перилам
Склонилась и в дреме скрипит.

Вишни уже облетели,
Ветки, как пики, торчат
И через них еле – еле
Виден полоской закат.

Тропка средь вишен к обрыву
В глуби их слилась с темной,
Часовня за садом застыла,
В охране за вечный покой.

Вороны на мусорном баке
Примолкли, набив животы,
Бродячая рядом собака
Лежит средь опавшей листвы.

Вечер, как занавес звездный
Спускается тихо с небес.
Завыла собака тревожно
И эхом откликнулся лес.

СКВЕР КОРАБЕЛЬНЫЙ

Я родилась, учусь и живу в Тюмени и очень люблю свой родной город. Он красив в любое время года; я горжусь его историей, застывшей в памятниках архитектуры, в названиях улиц и монументах. Но больше всего мне нравятся наши скверы и бульвары, любовно украшенные летом цветами. От Мыса, где я живу, до центра города достаточно далеко, и мы с удовольствием отдыхаем у озера Круглого, в лесопарке им. Гагарина и, конечно, в сквере Корабельном. Он находится напротив моей школы, я бываю в нем каждый день и наблюдаю, какой жизнью живет этот маленький фрагмент на карте моего города. В нашем сквере красивый фонтан, подрастают яблони, ели, рябины и кусты сирени, есть детская площадка и много скамеек для отдыха посетителей. Вот на одной из них сидят три будущие мамы – им нужно много гулять, дышать свежим воздухом. И конечно, у них всегда есть общая тема для разговора. Новая жизнь на пороге! А рядом расположились мамы с колясками. Они делятся своими наблюдениями, открытиями, опытом и нехитрыми секретами. Говорят вполголоса: будущие инженеры, врачи, композиторы и строители пока мирно спят. На детской площадке в песочнице и на горке детки постарше, чаще под присмотром бабушек, осваивают лабиринты, лесенки, турники и сооружают куличики из песка. А вот из школы примчалась ватага первоклассников. Ранцы на траву. Ура!!! Закончился учебный год, впереди каникулы! Энергия бьет через край, и на них укоризненно поглядывают старшеклассники, занявшие несколько соседних скамеек. Впереди еще экзамены, выпускной вечер, ответственный шаг во взрослую жизнь. Немного поодаль чуть жмурятся от утреннего солнышка два седых ветерана. День только начался, поэтому на плечах их накинуты пиджаки. У обоих в несколько рядов орденские колодки. Без расспросов ясно: они прошли длинный жизненный путь, воевали, строили мирную жизнь. Они – наша совесть, слава и гордость, их все меньше рядом с нами, без них, без их воинских и трудовых подвигов нас сейчас просто не было бы.

И вот так, изо дня в день, в моем любимом сквере я вижу мерное безостановочное течение мудрой и вечной жизни от ее зарождения до полновесной зрелости. Маленький сквер вокруг фонта-

на с корабликом ежедневно листает страницы бесконечной книги под коротким названием «Жизнь». Хочется пожелать, чтобы для всех она была солнечной, радостной, как атмосфера в сквере, и, обязательно, счастливой. Об этом мечтают и ветераны, и мамы, будущие и состоявшиеся, и школьники, и молодежь. Мира вам, и пусть исполнятся все ваши пожелания, дорогие мои земляки!

ПРЕДЗИМЬЕ

Чуть слышный мерный шорох пробудил меня сегодня утром. Спросонья никак не могу понять, что это? То ли накрапывает затяжной дождик, или падает первый снежок? То ли первые солнечные лучи осторожно стряхивают с ветвей прозрачные капельки студеной росы, чтобы полюбоваться разноцветными блестками мгновенных маленьких радуг?..

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить еще спящих товарищей, тихонько выбираюсь из спального мешка, торопливо одеваюсь и, унимая зябкую дрожь с полотенцем на плече, выскальзываю из палатки и спускаюсь умываться к реке. Шорох слышится отовсюду. Внимательно осматриваюсь вокруг. Оказывается, это с лиственниц непрерывным золотистым дождем сыплется легкие иголочки, укрывая не успевшую остыть от тепла короткого северного лета землю от первых, пока еще не очень-то злых, заморозков. Уже совсем рассвело. На склонах ближайшей горы, в сизоватых островках кедрового стланика, призывно бурют литые гроздья созревших шишек. Оттуда, сразу же после моего появления, понеслись резкие тревожные крики кедровок: «Кре-кре-кре!» Они суматошно перелетают с дерева на дерево и все никак не могут уgomониться...

Умывшись студеной водицей и окончательно проснувшись, возвращаюсь обратно. Серебро изморози на брезентовом тенте, натянутом над палаткой, схоронившейся под старой разлапистой лиственницей, щедро позолочено мягкой свежеопавшей хвоей. А вокруг палатки – пожухлые ажурные травинки, вместо недавней росы, теперь густо унизаны тонкими искрящимися иголочками инея. Подмерзший белесоватый мох-ягель с глухим хрустом проваливается под сапогами при каждом шаге. Иду вверх по склону и замсчаю: вон там, в тени, подле заиндевелой трухлявой валежины, затаился припозднившийся ярко-бурый малыш-масленок, превращенный ядреным утренником в глянцевитую хрупкую ледышку...

День ото дня тайга становится все прозрачнее и просторнее, быстро теряя свой пестрый наряд. Кончается праздник красок – опадают последние иглы и листья. Попадая в упругие перевитые струи шумливых ручьев и говорливых речек, они уносятся

в величавую Обь, а наиболее удачливые из них – путешествуют и дальше, добираясь до самого Ледовитого океана. Вслед за хвонинками уже начали сплавляться хариусы и радужные ленки, торопясь заблаговременно укрыться в глубоких омутах, не промерзающих до дна даже в самые лютые морозы. Там, в сумеречной глубине, они в полудреме благополучно переждут долгую холодную зиму и весной дадут жизнь многочисленному потомству.

Однако и нам пора выбираться из тайги: ведь вчерашней ночью сюда наведалась на разведку нетерпеливая зима. Она, было, набросила на тайгу свой студеный белый наряд, да только взошедшее солнце стало понемногу пригревать, и к полудню от пушистого, ослепительно белого снега уже почти ничего не осталось. Боренье слабеющего тепла с усиливающимся холодом продлится не так уж долго, а потом леденящие морозы будут безраздельно властвовать в здешних местах до конца весны, когда тепло, набравшее в жарких странах нужную силу, неудержимо погонит огрызающийся холод обратно в бескрайние торосистые льды Арктики.

С далеких берегов холодных северных морей уже потянулись в теплые края стаи перелетных птиц. Они останавливаются на короткий отдых и кормежку на глухих озерах и речных протоках, оглашая округу громкими криками и хлопаньем крыльев. Но скоро и здесь станет тихо и пусто. Только постоянные обитатели тайги останутся зимовать на месте. Когда озера начнут схватываться прочным ледком – укротителем волн, последними из северных птиц полетят сказочно красивые лебеди-кликунуны. Бывалые таежники говорят: «Если хочешь остаться в живых, то торопись выбраться из тайги вслед за лебедями: на своих мощных крыльях они несут уже настоящую зимнюю стужу!». Судя по приметам, ждать лебедей осталось совсем недолго. И тогда – прощай, тайга, прощай до следующего лета! Но мы непременно возвратимся сюда, чтобы продолжить поиски подземных сокровищ, таящихся в твоих глубинах.

Тихий шорох бредет по предзимней тайге, ведя за собой долгую немоту.

ХОЧУ СОБАКУ

С этих слов у Петра начиналось каждое утро. Хочу собаку – слышалось ему утром, днем и вечером. Это женское ХОЧУ не имеет тормозов, оно неотвратимо надвигалось на его жизнь. Ночами, которые казались раем, он пытался вспомнить и расставить по-порядку все женские ХОЧУ.

Два раза ХОЧУ закончилось двумя детьми, и хотя первая его реакция не была такой, какой бы ей хотелось, теперь он любил и гордился детьми.

Дети дали маленький перерыв в нескончаемом хочушном потоке, но они стали подрастать, и уже не нужно было поминутно вскакивать по ночам, стирать и убирать, и жене стало нестерпимо скучно.

Первым жильцом в их уютной квартире стал кот. Он появился весной, и на несколько лет хочушные потребности были закрыты. Но шло время, и кот уже перестал считаться котом, став практически членом семьи. Тогда опять же ранней весной в доме появился аквариум с рыбками, потом еще один кот, два хомячка, попугай и черепашка.

Петр с ужасом наблюдал, как стремительно обживаетеся его квартира, в каждом углу кто-то живет, шевелится и даже пытается размножаться, но, скрепя сердце, он все же сознательно шел на компромисс с привычным образом жизни.

Эта весна началась еще задолго до мартовских капелек. Первые грозные признаки надвигающейся катастрофы он различил в декабре, когда однажды жена, свернувшись клубочком около своих кошек, тихо попросила: «Хочу собаку», и уснула. На следующий день она захотела собаку уже два раза, а всего лишь через неделю – двадцать четыре раза утром и столько же вечером.

Она потеряла сон и аппетит. Ее не успокаивали даже спасительные шопинги и походы в парикмахерскую. Часами она пропадала в Интернете, выискивая удачный вариант. Петр пробовал убеждать ее и даже подкупать, но все аргументы легко отскакивали от нерушимого и необъяснимого женского желания – ХОЧУ.

Иногда у него все же создавалась иллюзия, что он победил, когда жена на несколько дней отставала от него, но лишь за тем, чтобы уже в следующий раз давить на него более беспощадно и умело.

Последний довод, который сломил его уже пошатнувшуюся волю, был таков, что у него есть его литература, и он, как школьный библиотекарь, может сутками просиживать за рукописями, получая от этого огромное удовольствие. А у нее нет счастья, она несчастлива с ним, когда он сидит как библиотекарь. Собака – это именно то счастье, о котором она мечтает.

Ему стало стыдно. Ведь действительно, он был счастлив, погрузившись в свой мир чернильных каракуль, в ворох пожелтевших рукописей, общаясь с такими же ненормальными по Интернету. А она? У нее нет счастья!

Эта мысль, поселившаяся в его голове, всего за несколько дней сделала в ней революцию. Он уже смотрел на собаку как на неизбежное зло, с которым он должен смириться.

Он еще пытался образумить ее, но жена, почувствовав его слабость и сомнения, принялась давить с удвоенной энергией, и как только по-весеннему выглянуло солнышко, только на земле образовались первые проталины, она объявила, что уже вечером им приведут собаку.

Собака появилась в их квартире одним несчастным вечером, распугав до смерти котов, громко топая, чавкая и разбрызгивая слюну, забегала по ковру переросшим годовалым щенком. За ним с веселым гомоном носилась детвора.

Петр закрылся в «своем кабинете, и как бы он не хотел сам себе в этом признаться, но пришел конец их квартире, милому островку их семейного счастья.

Через полгода он привык к собаке, да и собака привязалась к нему. По утрам, пока все спали, Петр гулял с ней, невзирая на дождь и ветер, а по вечерам, когда он клевал носом над очередным чернильным миражом, собака в такт ему похрапывала, лежа под стулом.

В их семье снова наступило хрупкое равновесие.

В этой истории можно было уже ставить точку, как однажды ночью его жена во сне очень четко прошептала, слово ХОЧУ, оставив Петра до утра мучиться и гадать, кто же станет следующим обитателем их квартиры.

УТКА КРЯКАЛА

Сколько себя помню, мама тяжело болела. Война на судьбах людей отыгралась – мало не покажется, не пощадив и ее. Ежегодно она уезжала в Тобольск на восстановительное лечение, оставляя нас, трех дочек, на попечение сестры Фариды и ее мужа Абдрахима. По характеру он был тот еще Щукарь. Мы же его звали есна' баба'.

Этот человек необыкновенно украсил все наше детство. Воспоминания о нем неизменно вызывают, и по сей день, полную радугу давно пережитых эмоций.

Замечательный самобытный рассказчик прочитанных сказок, былин и небылиц. Вечерами мы частенько собирались послушать его, присоединялись и любители – односельчане, располагаясь, где только можно, или просто на полу. Заводной, азартный, яростнейший трудяга и любитель «обмыть» очередное, на совесть завершённое дело, человек, который умел доставлять радость по самому, что ни на есть, пустячному поводу. Неутомимый выдумщик и обладатель таланта, вдруг возникать новость откуда, внося в любую обстановку что-то легкое, смешное, неуловимо приятное, а потом так же вдруг исчезать, но непременно оставляя за собой как бы часть себя, Абдрахимовского. После его ухода на лицах еще долго блуждали улыбки разного толка, кто покачивал головой, кто почесывал затылок или макушку, кто хлопал ресницами или закатывал глаза, кто исходил откровенным смехом, кто хихикал в кулак, кто хватался за обе щеки ладонями и т. д. и т. п. Субъект, имевший удивительную и для нас, и для всех жителей деревни Бехтери привычку – будучи «под градусом», прохаживаться зигаобразной походкой по улицам, шурша шароварами и выкрикивая (как бы окликая) всех своих близких, то есть жену, сына, дочь, нашу маму и всех нас, троих ее дочерей, поименно, да еще вкладывая в каждое имя интонационную окраску в зависимости от своего отношения или настроения на тот день. Получалось очень выразительно и интересно. И вот по всей деревне (а это могло быть в любое время суток) громко раздавалось: Фарида! Ахметчан! Марчана! Сачита! Саучита! Сагида! Фагиля!

Много, очень много о нем и об историях с его участием можно рассказывать. Но это – когда-нибудь. А сейчас – про утку.

Итак, мама в очередной раз уехала в больницу. Оговорюсь: ее болезнь, никогда не ложилась на нас каким бы то ни было душевным бременем. Мы росли веселыми; озорными, предприимчивыми в играх и забавах.

Мама вела небольшое хозяйство: огород, барашек и три овечки, несколько уток, курочки-несушки и, конечно же, их цыплятки (наше умиление и наш восторг), собака Мулька и кошка Милька, всегда с котятками. Остальное – от тети Фариды и есна бабы. Хозяйство у них было большое и полное. Вся наша живность почему-то выглядела симпатичней, ухоженней и умней, чем у других. Даже репейных колючек на наших овечках, казалось, было меньше. А характеры! Все, как у людей! И стать, и грация, и достоинство, и разборчивость, и своего рода чистоплотность... Может, от хозяйки?.. Наша мама была во всем! – мастерица. Гордая, красивая, независимая, в вопросах совести и трудолюбия непреклонная, жесткая до самой жесткой жесткости, а по сути – романтическая, загадочная, мечтательная, от природы очень развитая. Она была всегда при деле, а на коротком досуге – при «толстых» библиотечных книжках. Чем бы мама ни занималась, одновременно о чем-то думала, уносясь иногда совсем далеко оттого, что делала. Тогда по ее лицу можно было – читать! Что только ни выражали ее глаза, взгляд (часто с поволокой, несмотря на тяжкие испытания, через которые она проходила всю свою жизнь и каждый день) В такие моменты мы замирали.

Мы исподтишка любовались мамой. Терпению же ее и житейскому мужеству не было конца и истощения. Мама была и осталась моим единственным кумиром, моей путеводной звездой, моей королевой прямых зеркал и ... самым строгим для меня судом. Я всегда стараюсь не заставлять ее за себя краснеть. Этому следую я и сейчас. Если у меня (к примеру) не вымыта посуда или пол, я ее стесняюсь. Не говоря уже об остальном... И обо всем этом тоже можно много рассказывать. Но сейчас – все-таки про утку.

В том году у нас подрастали три утки. Проводив маму в Тобольск, мы принялись за игры. Придумали вот что: перевернув глубокое оцинкованное корыто вверх дном, забрались на него, распределившись друг за другом, и стали раскачиваться из стороны в сторону, горланя какую-то песенку. Утки в это время свободно разгуливали. Одна из них, самая шустрая на свою голову, оказалась слишком близко и, когда ванна качнулась в противоположную от

нее сторону, она успела шагнуть под второй приподнятый край. Край ванны опустился, и мы услышали истошное, но очень короткое крикание и хрупкий хруст.

Соскочив с ванны, мы изошлись истерическими воплями в три голоса, с ужасом и содроганием глядя на несчастную утку, лежащую на спине, дрыгающую лапками и закатывающую глаза. Но самым жутким было то, что у нее вывалились внутренности. На наши вопли (а по-другому и быть не могло) уже несся через картофельное поле, разделенное тропинкой, наш есна баба.

«Что случилось?! Что случилось?!» – на бегу восклицал он. Увидев такую беду, он схватил утку, прикрыл самое страшное место ладонью и нарочито беспечно, почти весело заявил: «Ничего, ничего, ничего! Сейчас все будет хорошо!!!» – и, шурша шароварами, убежал за туалет. Его уверенные слова «Сейчас все будет хорошо!!!» мигом заставили нас заглохнуть. Он появился из-за туалета, словно из-за кулис, широко и лучезарно улыбаясь, удовлетворенно и театрально (как после некой финальной сцены) развел руками, слегка нам поклонился и провозгласил: «Вот видите, все хорошо!!!» Но мы ничего не видели, кроме того, что глаза у него почему-то бегали. Сейчас я его понимаю – он еще не успел придумать, что делать дальше. Мы снова разом душераздирающе разревелись. Надежда, что он вынесет обратно нашу живую и здоровую утку, рухнула. Чуда не случилось. Топая ногами, заламывая руки, в шесть заливающихся слезами глаз мы смотрели на него все еще на что-то рассчитывая, что-то требуя, о чем-то умоляя взглядом. Есна баба стойко держал фасон и оборону. Пауза. Вдруг он сделал короткий глубокий вдох и такой же короткий, но резкий выдох. На лице его отразились сожаление и сострадание. И до нас дошло: случилось непоправимое. Мы перестали вопить, жалко сникли и все трое двинулись к нему, теперь уже только безутешно всхлипывая и шмыгая носами. Уткнувшись в есна бабу, мы горько плакали. «Теперь у нас только две уточки... Что скажет мама?» – тихо сказала Саня. Нам снова стало страшно. Шесть глаз опять уставились на есна бабу. Пауза. «Три!!!» – вдруг находчиво воспрянул он. Его указательный палец взметнулся вверх, чуть не проткнув небо. От такой внезапной перемены в нем мы даже разом присели с задранными к нему головами. «Сейчас, сейчас! Сейчас все будет хорошо!!!» – радостно воскликнул есна баба. Глаза его уже не бегали, а вдохновенно горели. Он, часто-часто шурша шароварами,

во всю прыть помчался обратно через картофельное поле в сторону своего дома. Скоро мы услышали дикое, сумбурно-хоровое кряканье и панический переполох с хлопаньем крыльев, топаньем, какими-то стуками и ударами разной силы. Спустя несколько минут опять зашуршали шаровары, и есна баба, запыхавшись, добежал до нас и торжественно протянул нам свою добычу – плюгавую уточку – победоносно вскрикнув: «Вот. Три!!!» Мы остолбенели. Пауза... «Она не такая, как наша» – медленно и разочарованно покачивая головой, первая (самая смелая и отчаянная) сказала Фая. Саня молчала (она не по возрасту была рассудочная и мудрая). «Она крашенная!» – капризно надув губы и категорично тряхнув кудряшками, топнула я (уточки тети Фариды были помечены, синей краской по спинкам). «Сейчас, сейчас! Сейчас все будет хорошо!!!» – не сдавался есна баба. Он снова убежал за туалет. Мы услышали возню и какие-то отрывистые звуки. Есна баба появился из-за своего убежища, уже весь, расплываясь в фантастически блаженной улыбке. «Вот! Некрашенная!!!» – заключил он, как бы ставя на этом жирную точку. Обалдевшая и оципанная утка даже не плакала. У нас тоже не было слов. Мы разом обреченно вздохнули и проглотили по кому в горле. Каждая из нас думала: «Она все равно не такая, как наша; она маленькая, плюгавенькая, а спинка у нее хотя и некрашенная, но теперь даже голая». Есна баба, прекрасно угадывая наши соображения, соорудил мину, не допускающую никаких возражений, и отрезал: «К приезду вашей мамы все отрастет!!!» А для пущей убедительности погладил подбородок и скороговоркой добавил: «У меня же борода быстро отрастает!». И мы – поверили! Исподлобья косясь друг на друга, каждая из нас попыталась улыбнуться. Уточка в руках есна бабы вдруг опомнилась и раскрякалась во все утиное горло. Темнело. Мы загнали своих чистоплюек в клетушку, а есна баба посадил к ним бедную плюгавенькую и повел нас ужинать. Однако, непременно вкусные пельмени (есна баба очень любил пельмени и домашнюю лапшу своей жены, а чужую стряпню такого рода не признавал) и блины со сметаной тетушки Фариды не помогли нам избавиться от чувства подавленности. Не радовали нас и последующие дни. Мы вяло, почти не глядя друг на друга, выполняли обычную повседневную работу и тревожно ждали маму. Не давала нам забыть о случившимся и новоявленная уточка. Каждую ночь она надрывно крякала. Похороны же погибшей, которые устроил есна баба за туалетом, предусмотрительно завернув ее в тряпочку,

нас окончательно примирили с произошедшим. Сейчас я понимаю, что он, таким образом, дал нам понять, что жизнь не всегда бывает безоглядно веселой.

Наконец приехала мама. Радость встречи омрачили определенное пережитое и неопределенное предстоящее. Мама же была спокойна и ласкова. Она почему-то улыбалась. И так – до вечера. Мы с ужасом ждали ночи. И утка – закрикала!!! Мама сняла со стены свою гитару и, пробежав пальцами по струнам, звонко и вообразулисто запела: «А утки кря-кря-кря, кричали – парень – зря!..» И с нас вдруг все схлынуло! Мы с визгом соскочили с кровати, запрыгали, забегали по всему дому и, захлебываясь смехом, стали подпевать маме, выкрикивая только одну строчку песни: «А утки кря-кря-кря!..» Мы снова были счастливы! Утром рассказом не было конца.

Весь день прошел в особенно старательных хлопотах. Переделав к вечеру все, что было необходимо, мы совершили свой любимый ритуал – выскабливание тщательно вымытого (обязательно все еще немного влажного) некрашеного соснового пола до золотистого цвета и его сухое подметание. В завершение (так было мамой заведено) – мы уселись за стол в сверкающей чистоте, вдыхая любимый запах сосновой смолы пощелкать семечки или кедровые орешки. На этот раз были – орешки. Когда, как и что успели сказать маме тетя Фарида и есна баба – осталось тайной. Осталось загадкой и то, как удалось есна бабе ошипать уточку, не дав ей ни разу крякнуть.

ЗДЕСЬ ДЛИЛСЯ ДНЕЙ МОИХ ПОТОК

*С Днем рождения, любимый город!
Украшай Сибирь и Россию!
Нам, тюменцам, ты очень дорог,
В людях черпай стабильность и силу.*

Все краше становится Тюмень и теперь всему миру известно, что она не «столица деревень», а столица Западносибирского нефтяного края. Стекло и бетон, брусчатка и фонтаны, множество модных бутиков, аптек, магазинов, яркая реклама, обилие цветов – внесли европейскую новизну в облик города. Среди прохожих, неспешно прогуливаются африканцы, привычным стало встретить в городе и англоговорящего иностранца. Для тюменцев теперь заморские страны тоже не диковинка. Словом, жить стало лучше, может быть и веселее. Вместе с тем утрачено что-то родное и близкое.

Мои любимые уголки ютились в крохотных, тенистых, иногда сильно загущенных сквериках Тюмени второй половины двадцатого века. Возле училища искусств – бульвар геологоразведчиков – был чудный зеленый остров, где росли заморские деревья с очень пышной и красивой кроной. Казалось, что они, огромные, в своих дуплах хранили городские тайны. Сейчас сквер стал более прозрачен, хорошо благоустроен. Здесь установлен памятник солдатам, погибшим в Афганистане. Монумент всегда наводит на грустные мысли: «Кому нужны бессмысленные человеческие жертвы?» «И тихо слезы льет Россия. Хоронят матери сынов».

Прежде развлекательных мест в городе было немного, поэтому два сквера по ул. Одесской (один возле медицинской академии, второй – напротив, через мостовую) казались такими большими и красивыми. У нас с детьми были «наши» скамейки, которые «ждали» в любую погоду. Летом, на деревянной сцене под крышей, возле скульптуры рабочего, выступали коллективы художественной самодеятельности, играла музыка. Событием зимы была установленная лесная красавица, настоящая, из леса, елка – украшенная игрушками и гирляндами. С нетерпением ждали этого времени – можно было лихо съезжать с ледяных горок и любоваться снежным городком.

Даже мы, родители, приводившие сюда детей, не забывали захватить какую-нибудь картонку, чтобы тоже съехать с ледяной высоты.

Еще одно из притягательных мест для меня – Александровский сад. Он давно приобрел статус исторического места, связанного с пребыванием в Тюмени, 176 лет тому назад, девятнадцатилетнего великого князя, наследника престола, будущего императора России. Дух истории поддерживают здесь чугунные персонажи прежних эпох. Ныне, в дни 400-летия династии Романовых, сад радуется красотой и ухоженностью, хотя и сильно уменьшился в размерах. Он волнует таинством и загадочностью. Здесь хорошо думается. О прошлом и будущем.

Всеобщим любимцем в прежние времена был и Городской сад. Дети с нетерпением ждали выходного дня, если была обещана прогулка в него. Не были препятствием ни длинные очереди к автоматам с газированной водой, к аттракционам, за мороженым, плюс к тому жаркий летний день и давка в автобусах. Все с лихвой окупалось хорошим настроением, рассказами соседским ребятишкам, как классно было на «ромашке» или на колесе обозрения. Сад так очаровывал, так привлекал к себе, что тут же следовали обещания «вести себя хорошо», чтобы пойти еще и «покататься на машинках»! Чудные были времена – умели радоваться мелочам и дети, и взрослые. Последним сад дарил свои радости и возвращал в юность. Танцевальная площадка, духовой оркестр, приглашение на танец – это неповторимо! А сколько семейных пар познакомилось здесь?! Днем на открытой эстраде давал спектакли кукольный театр, и выступала художественная самодеятельность. Народные гуляния в Городском саду – это была традиция горожан. Современный бульвар, на месте того зеленого массива не дает, не тени, не умиротворенности. Слишком шумно, пестро.

С лица города исчезло очаровательное местечко: это водно-парковая зона возле дома отдыха им. Оловянникова, т.е. само место, осталось, а вот признаков бывшего благоустройства чудного уголка природы в березовой роще – нет. Это бывшая дача купца Кондратия Шешукова – с 1842 г. В 1880 г. ее купил Иван Колокольников. Во время войны здесь был госпиталь № 3518 для раненых. В пятидесятые – семидесятые годы прошлого столетия здесь функционировала востребованная тюменцами здравница. Я уверена, что еще многие помнят и тихую, зеркальную гладь пруда с белыми лилиями, и про-

хладу тенистых аллей, среди сомкнувшихся деревьев, в кроне которых бегали белки, и удобные беседки, и катание на лодках. Открытые спортивные и танцевальные площадки, пение соловьев, заросли дикой малины и грибы в местном лесу. Что еще нужно для поправки здоровья? Пробуренная скважина глубиной 1200 метров давала минеральную воду. Не имея возможности отдохнуть здесь по путевкам, мы часто приезжали в свободное время полюбоваться дивным парком, покормить уток у пруда, ибо никаких заборов тогда не было. Очень жаль, что нет больше того дома отдыха, а парк превратился в захлащенные заросли.

Много радости моей семье приносило озеро Утиное, возникшее возле железнодорожной магистрали после середины прошлого века. Общеобразовательные школы – четвертая и шестая – проводили здесь зимой уроки физкультуры на лыжах. В любое время года озеро было звучно детскими криками и смехом. Ребятишкам здесь находилось занятие с утра до ночи. Задолго до наступления купального сезона многие смельчаки начинали купаться, а вода в нем далеко не теплая, т.к. бьют подземные ключи. В некоторых местах берега густо заросли камышом, их всегда оккупировали рыбаки. Извиваясь на леске, блестя на солнце серебром и золотом, плюхалась в ведро мелкая рыбешка: карасики, гальяны. Осенью тонкий ледок уже покрывает поверхность озера, а утки все еще готовятся к полету в полыньях возле камыша. Ранней весной они прилетают снова и как хорошо, что желающих их покормить не становится меньше. Приятно отметить и то, что мамы-утки гордо плывут во главе своего выводка, словно показывая, какие красивые у нее дети и у них нет страха перед людьми – озеро-то называли именем этих перелетных птиц.

Зимой на Утином расчищали каток. Большой удачей было купить «коньки-фигурки», а потом возникала необходимость учить детей кататься на коньках, пока они не могли твердо на них стоять. Снежные горки здесь устраивались прямо на берегах, ибо они довольно крутые и высокие. Не говоря о детях, я сама с удовольствием скатывалась с них на санках, картонках и пр. А еще Утиное давало приют моржам – клубу зимнего плавания «Кристалл». Поеживаясь от холода, мы смотрели, как люди в купальниках входили в ледяную прорубь. Над поверхностью воды курился пар, их тела краснели от мороза, но, разные по возрасту, они все улыбались, бодро топя по снегу. Вечерами, по периметру круглой водяной глади горели яркие

фонари, и потоки гуляющих от мамочек с колясками, до древних старичков, вваливались на асфальтовый тротуар. Сейчас там построили новые здания, они закрыли проезжую часть, но желающих посетить это привлекательное место меньше не становится. Много раз на уровне местной власти, говорили о создании здесь зоны отдыха для горожан. Проводились определенные работы, но до комфорта еще далеко. А с каким удовольствием горожане покатались бы по озеру на лодках или водных велосипедах, посидели в кафе, любуясь водной гладью на закате солнца, позагорали на чистом пляже. Хочется верить, что это будет в обозримом будущем.

Я назвала лишь малую часть тех мест, которые давали покой душе и наслаждение глазам. Что-то сохранилось и еще больше нравится жителям, что-то, в силу обстоятельств, нет. Ведь все течет, все развивается, в том числе и город, а наша Тюмень – ускоренными темпами. И мы любим ее, такую разную: и в хмурый дождь, и в ясный день – старые развалюшки, которые еще не успели снести, и новые высотки, и купеческие особняки. Это Родина, а она одна и такая, какая есть. Другой не дано.

ЖЕНСКАЯ ВЕРНОСТЬ

Память – штука избирательная. Бывает, достаточно какой-то мелочи, случайной встречи, чтобы всколыхнуть события более чем полувековой давности.

... Нас, мальчишек, окончивших начальную школу № 14, что была на улице Луначарского, д. 7, перевели для дальнейшей учебы в школу-семилетку № 22. В то далекое время, а это был 1949 год, мальчики и девочки обучались раздельно.

Классным руководителем нашего 5-го класса была Ольга Ивановна Швыркова – стройная, симпатичная женщина с черными, как смоль, волосами, заплетенными в тугую косу, и живыми карими глазами, излучающими доброту. Преподавала Ольга Ивановна русский язык и литературу. По ее предметам не было отстающих, потому что она была учитель от Бога. Семья Швырковых (Ольга Ивановна, ее муж и их дочь Ида) переехала в Тюмень из Казахстана после окончания войны.

Дмитрий Лукич Швырков воевал, на фронте был командиром орудия и не раз смотрел смерти в лицо. Но на войне, как и в любом деле, кроме опыта и храбрости, нужно еще и везение. Изменило как-то раз солдатское счастье, и от фашистского снаряда командир орудия вместе со своим расчетом взлетел в воздух.

Тяжело раненого и контуженого Дмитрия Лукича боевые товарищи доставили в лазарет. Это случилось в апреле 1945 года, недалеко от Берлина.

Ранение было настолько тяжелым, что Швыркова вначале увезли в госпиталь в Польшу, а затем транспортировали в Советский Союз, где он проходил очень длительное лечение. Дмитрий Лукич остался без ноги, полностью ослеп. Представьте себе молодого здорового мужчину, ставшего вдруг немощным! И он принимает важное для себя решение – ничего не сообщать семье: кому он нужен калека, зачем быть обузой родным?

Ольга Ивановна с дочкой с нетерпением ждали писем-весточек с фронта. А тут словно обрезало: не стали приходить ни треугольнички, ни открытки. Не было и похоронки.

Очень встревожилась милая подруга и стала искать своего люби-

мого мужа. Не знаю, как, но нашла она его в госпитале в Саратове и срочно выехала туда, чтобы немедленно забрать домой.

Главный врач госпиталя сразу же без обиняков сказал ей: «Вы молодая и красивая, не связывайте себя по рукам и ногам. Оставьте его здесь».

Но не таков был характер Ольги Ивановны, не за тем она спешила за тысячи километров, чтобы, выслушав горькую правду, уехать восвояси.

Я не буду рассказывать о том, как невероятно тяжело было семье Швырковых. Это понятно и так. Сколько терпения, мужества, такта понадобилось Ольге Ивановне, чтобы не сломаться самой и помочь любимому человеку. В песнях воспевают лебединую верность. А разве менее преданны наши русские женщины?

Когда перебрались в Тюмень (дочери нужно было поступать в педагогический институт), им выделили махонькую комнатку в школе № 26. Завуч этой школы Васса Дмитриевна Медведева достала где-то шрифт Брайля и книгу «Алитет уходит в горы». Организовала группу девочек, которые заходили в гости к Дмитрию Лукичу, читали ему, рассказывали о своих школьных делах. Кстати, перед войной тот работал учителем. И он постепенно приходил в себя.

Мы, пятиклассники, также ходили к ним на квартиру, чтобы по просьбе и совету Ольги Ивановны выпускать классную газету. Дмитрий Лукич узнавал нас по голосам, даже по шагам, и всегда давал нам дельные советы. Целых три года мы навещали Дмитрия Лукича. В 8-ом классе мы перешли в 26-ю школу, но все равно забегали к Ольге Ивановне и Дмитрию Лукичу в гости, чему те были несказанно рады.

В 1954 году Швырковым выделили квартиру в городском доме. Позднее Дмитрий Лукич стал преподавать в школе для слепых, а потом стал директором этой школы.

Дочь их Иделаида тогда жила в общежитии, но часто заходила к родителям. Она закончила пединститут, работала учителем в школе № 22, а затем четверть века преподавала в машиностроительном техникуме.

Вот так женская верность поставила в строй любимого человека.

А ЗОРИ ЗДЕСЬ ЯРКИЕ...

Самые наилучшие воспоминания о моем раннем детстве связаны с рекой Алабугой. Эта тихая и немногoводная, с едва заметным течением, поросшая ивами и осоками река, длина которой составляет всего лишь 46 километров, смогла приютить на своих берегах много людей разных национальностей. Здесь проживают не только русские, но и немцы, украинцы и белорусы, эстонцы, чуваша, казахи. Причем последних – больше, так как совсем рядом проходит граница с Северным Казахстаном.

У каждой речки есть своя биография, свои предания, фольклор. Алабуга... По народному поверью, это имя девушки, бросившейся в реку от несчастной любви. По другой версии это красивое название в переводе с казахского означает «окунь». Но, если верить местным рыбакам, то в ее водах можно встретить не только окуней, а также и других представителей водных ресурсов: щук, чебаков, ершей, налимов, карасей.

На высоком берегу Алабуги стоит поселок Казанское, в котором прошло мое веселое детство.

Алабуга является источником жизни поселка. Из нее люди пьют воду, сюда приводят домашний скот на водопой, из нее берут воду для полива огородов. На ее берегах сидят с удочками рыболовы-любители. В заводях реки растут желтые кувшинки и белые лилии, из которых девочки-подростки плетут венки. Река Алабуга, почти бесшумно несущая свои воды, прибывала к берегу ракушки и маленькие невзрачные улитки, из которых школьницы на уроках труда изготавливали незамысловатую бижутерию или украшали шкатулки.

По берегу, где рядом с рекой стоят дома, привязаны деревянные лодки. Почти в каждом сельском дворе можно увидеть нанизанные на леску грибы, на поленницах растянуты заячьи шкурки, на бельевых веревках вялится рыба. Было очевидно, что местные жители поселка зимой охотятся, летом рыбачат.

Хотя мест для купания у Алабуги не так уж много: крутые берега, в знойные дни здесь спасаются от жары и детвора, и взрослые. Я любила подолгу стоять в воде, наблюдая, как подплывают на мель погреться на солнышке мальки. Я подставляла им свои ладони, но

они их только касались.

Под водой были дороги, бродом зовутся, через которые мы перебирались на противоположный берег за диким шавелем или полевым луком.

В теплый спокойный вечер мы иногда наблюдали за закатом. В предвечерний час огромное раскаленное светило садилось на противоположной стороне берега и, пропадая где-то в дальних берегах, уходило на ночлег, оставляя на воде волнообразный столб света, а багровый закат обещал на завтра жаркий день.

Однажды нам взрослые устроили утреннюю прогулку по Алабуге на лодке. Кое-где еще в не проснувшейся реке плескалась рыба, по воде плавали перья, милые сельские ребятишки уже сидели на берегу с удочками. Мы вышли из лодки на противоположной стороне реки, где были заросли незабудок, васильков и алых маков. Из темных кустов доносился треск и шорох. На фоне розового восхода из высокой травы выглядывали не знакомые мне белые, желтые, голубые растения. Красота неопишуемая.

Старшие спустились к реке ставить сети, а мы, дети, стали собирать полевые цветы. В траве стрекотали кузнечики, где-то вдалеке куковала кукушка, о чем-то беспокойно судачили птицы, со стороны поселка наперсбой горланили петухи.

Как давно это было! Но эти милые картинки прошлого вспоминаю все чаще. Видимо, воспоминания, и впечатления детских лет остаются с человеком навсегда.

Однажды, будучи уже в зрелом возрасте, мне довелось приехать на несколько дней в поселок Казанское. Каждое утро меня будил гусиный гогот или бляенье овец. Это местные жители гнали свой стада к воде. Я решила тоже прогуляться до реки. Было раннее утро, только что прошел кратковременный дождь. Раньше, где был песчаный спуск к речке, все поросло луговыми травами. Только узенькая тропинка змеилась вдоль покосившегося штакетника. Дорожка вела к пологому берегу. Спустившись по ней, я увидела тот самый дощатый мостик, с которого мы в детстве ныряли, а сельские женщины полоскали белье. А сейчас все вокруг затянута камышом. Была здесь речка, остался ручеек.

Откуда-то доносились крики птиц, названия которых я не знаю, где-то вдали куковала бездомная кукушка, из кустов выпрыгнула и поскакала по своим делам лупоглазая лягушка. Стало подниматься

солнце, цветущие травы издавали чудный аромат. От легкого дуновения ветра заволновалась ковыль-трава. Ветки и листья кустарников покрыты капельками дождя, которые поблескивали в первых лучах восходящего солнца. Под воздействием солнечных лучей зелень на поляне кажется изумрудной, из которой виднеются полевые цветы. Много цветов! От темно-синих до ярко-оранжевых. Природа не пожалела красок.

Меняются времена, изменились и мы, произошли изменения в природе, даже река изменила свое русло. Только зори... А вот зори здесь по-прежнему яркие!

ТЮМЕНЬ, СВЕРДЛОВА, Д. 43

*«Из Тюменских переулков и аллей
Улетело детство с пухом тополей,
Отзвенела юность песней пионерской,
Отшумела молодость улицей Советской»*

Тюмень, Свердлова, 43 – адрес моего детства. Он закрыт теперь строящимся музейным комплексом, а громоздкие многоэтажки рядом ликвидировали своим появлением целый переулок, состоявший из аккуратных, уютных деревянных домов с палисадниками, обильно зацветавшими по весне сиренью, от которой воздух становился бело-розовым и благоуханным! Переулок назывался Больничный, так как начинался больницей (бывшая богодельня) – кирпичным двухэтажным домом, самым высоким, красивым и значительным тогда, и упирался в больницу – на Даудельной улице – первую и долгое время единственную в Тюмени. Два кирпичных корпуса ее построены и подарены городу купцом А.И. Текутьевым. Они живы: на одном есть мемориальная доска, посвященная дарителю, второй украшен высоким шпилем, нам он особенно нравился – за необычность. От всего нашего околотка – между улицами Советской и Даудельной – сохранилось только здание той самой богодельни. Оно и сейчас ярко белеет, но уже не величаво, как в детстве, а трогательно. Его теперешний адрес – Елецкая, д. 1. А Больничного переулка – совсем не стало.

Свердлова, д. 43 был средним из трех дворов, составлявших наш квартал.

ЧЕЛЮСКИНСКИЙ ДВОР

Двор слева был угловым с улицей Елецкой и назывался «Челюскинский», потому что принадлежал пимокатной, впоследствии – сапоговаляльной фабрике имени Челюскинцев. В большом двухэтажном доме, выходявшем на улицу, жило много семей. Я бывала только в одной – у Ивановых. Мой главный воспитатель брат Толя, семью годами старше меня, дружил с Борисом Ивановым, а брат его – Вовка – наш ровесник. Мама их, тетя Нюра, добрая жен-

щина, очень похожая на мышку – маленькая, юркая, всегда в чем-то сереньком, как только мы заходили, доставала из чугунка, постоянно стоявшего на плите, картофелину в мундире и, ничего не говоря, протягивала мне. Я, смущаясь, брала, тихо говорила: «Спасибо!» и долго смаковала ее, откусывая по чуть-чуть. Иванов – отец, не знаю даже его имени-отчества, был на фронте и не вернулся с войны. Тетя Нюра работала на фабрике, а летом, ближе к осени, еще и подрабатывала – ночным сторожем на фабричном картофельном поле. Толя с Борисом ей помогали, так как одной было страшно, хотя ей и выдавали на дежурство «настоящее ружье». Когда картошка еще только начинала поспевать, ее начинали выкапывать – красть, и тут уж бывало всякое. Помню, мама почти не спала, когда Толя «бывал в ночном», но он все равно уходил и за это приносил в конце лета несколько ведер картошки: тетя Нюра делилась своим сторожихинским заработком. Их малюсенькая, в одно окно, комната осенью превращалась в картофельный склад. От двери к столу и к плите, на пол, укладывались узенькие доски, чтобы проходить, а вдоль них ставились разные фанерки и картонки, за которыми по всему полу рассыпалась картошка. Если мы в это время приходили, то залезали через окно и оседали на высокой узкой приступочке, утепленной изнутри наружную стену комнаты. Я спускала с нее ноги, и они как раз доставали до картошки.

На втором этаже жили две сестры – гимнастки Шараповы, хорошо известные в городе: об их успехах часто говорили по радио. Обе черноволосые, стройные, легкие, в светлых платьицах с синими поясками и в выбеленных мелом парусиновых туфельках, с ремешком и синей пуговкой. Сестры очень нравились мне! Я радовалась, если они, заметив меня мимоходом, махали мне руками. Их брат Юрка, наш одноклассник, самым настоящим образом, где-то в классе третьем, спас меня, когда я тонула в грязной речушке, протекавшей по дну оврага Гилевской рощи, куда мы любили ходить – играть «в настоящем лесу». Стоя по колено в илистом дне, Юрка, одной рукой держась за Вовкину руку, вторую протянул мне. Я судорожно вцепилась в нее, и они выдернули меня из воды. Зойка с Ларкой, в это время стояли рядом и, перестав хохотать над моим бултыханьем, с ужасом ожидали, что будет, а потом отвели к деревьям и заботливо усадили на траву. Решено было взрослым ничего не говорить, чтоб не попало всем! Толя вскоре узнал, конечно, и принародно наградил меня подзатыльником – за то, что без него полезла в воду.

Еще в этом доме жила тетя Луша – красивая, статная женщина. Запомнилась она тем, что в летние выходные, с утра, тщательно мыла большое крыльцо в две ступени. Затем, надев длинную холщевую юбку, такую же просторную блузу с широкими рукавами и покрыв голову белым платком, босая, снова выходила на крыльцо. Скрестив руки на груди, она долго-долго стояла, не двигаясь, и глядела в небо. Я, увидев ее в кухонное окно, говорила маме: «Тетя Луша опять стоит на крыльце», а мама: «Бедная, все ждет своего Костю!». Ее сын, Костя Саланов, не раз я слышала от окружающих, в 1940-м, после окончания школы, поступил учиться на летчика, а в первые же месяцы войны пришла на него похоронка. Тетя Луша, не поверив в гибель сына, спрятала ее под клеенку, покрывавшую стол, и ни в какие разговоры об этом не вступала. После войны она поехала на Украину, в тот город, где учился Костя, искать его. Дальнейшую судьбу их не знаю. Когда в Тюмени, на мемориале, у «Свечи», появились скорбные плиты с фамилиями не вернувшихся с войны, я не одиножды искала в них соседа, о котором столько слышала в детстве, но его в этих списках нет, а тетю Лушу так и вижу до сих пор символом скорбящей матери – на чистом крыльце, в чистых одеждах, с чистой душой, ищущей в проплывающих облаках след своего сына.

В Челюскинском дворе был флигель, в нем жила моя ближайшая подружка и одноклассница Зоя – яркая, боевая девчонка, лучшая запевала нашей любимой школы – «2-й женской семилетней», на углу улиц Советской и Водопроводной. Мне ужасно нравилось здание школы – двухэтажное, кирпичное. Особенно привлекал балкон – угловой, с узорно-кружевными железными перилами, и крыльцо, с красивым, подстать балкону, козырьком, с которого спускались такие же железные кружева. Здание это, правда, значительно ухудшенное реставрациями последних лет, живо. Самым замечательным местом внутри школы была сцена – неиссякаемый источник наших радостей. Она находилась в рекреационном зале, в который выходили двери классов. На этой сцене мы ставили спектакли – «Аленький цветочек», «Сила коллектива», «Золушка» и выступали на разных концертах.

Помню, как Зоя стоит впереди хора – прямая, свободная; зеленые глаза смотрят гордо и весело; темная юбка в складку и белая блузка сидят удивительно ладно, приятный, «второй», голос, громко и четко, выводит:

«Я по свету немало хаживал,
Жил в окопах, в землянках, в тайге,
Похоронен был дважды заживо...»
а потом, вслед за хором, завершает:
«Дорогая моя столица! Золотая моя Москва!»

У Зои была корова Зорька – настоящее чудо! Небольшая, аккуратная, вся черная, а на лбу белое пятнышко – звездочка. Ее и надо было назвать Звездочкой, но купили уже Зорькой. Каждое утро ее «выгоняли» в стадо. Часто это поручали Зое. Она говорила мне, а я просила маму разбудить меня пораньше, чтобы тоже «гнать Зорьку в стадо». Босые, в легких платышках мы выходим вслед за Зорькой, держа в руках прутики. Она знает дорогу, идет неспешно, уверенно, а мы – за ней. Утро раннее, не жарко, даже прохладно немного, и мы поначалу ежимся. На всем пути много травы, она влажная от росы, ногам щекотно, а Зорьке – нравится: она часто останавливается, чтобы пощипать травку. Тогда мы подгоняем ее прутиками – опоздать нельзя. «Пастух ждать не будет, уведет стадо, тогда напляшемся», – назидательно говорит Зойка. Идем по Свердлова, сворачиваем налево и по Советской, переходим Солдатскую (Немцова) и – до Шверника (Профсоюзная). Там ходит пастух в длинном плаще и с кнутом. Мы оставляем Зорьку, убедившись, что он увидел ее, две-три коровы уже ходят около, а еще и другие на подходе. Тем же путем возвращаемся домой, досыпать.

ИГОШИНСКИЙ ДВОР

Правый от нашего двор называли «Игошинским» – по фамилии друга моего старшего брата Димы. Он угловой, с Советской улицей. Дом – самый большой и добротный. наших сверстников здесь не было.

НАШ ДВОР

Наш двор – самый симпатичный и уютный из трех. Ворота двухстворчатые, с большим выпуклым цветком посередине каждой створки. Они запирались на длинную щеколду. Входная калитка, тоже с

цветком, закрывалась и открывалась большим дутым металлическим кольцом, отполированным руками до блеска. Оно легко поворачивалось влево и вправо и влекло за собой короткий железный язычок, который удобно укладывался в железную скобку при закрытии или свободно висел, когда калитка бывала распахнутой. Мне очень нравилось братья за это кольцо – всегда испытывала приятное ощущение от кажущейся тяжести его и неожиданной легкости вращения. Любимым способом демонстрировать свою смелость у мальчишек было лазание на ворота: бесстрашно пройти по ним, расставив в стороны руки, а зимой – с самого высокого места спрыгнуть в сугроб. В этом был особый шик!

Наружный забор сохранился до самого сноса домов, тогда как внутренние изгороди за время войны полностью исчезли, и весь трехадресный квартал стал одним общим двором. Изгороди были «съедены» личными буржуйками. Конечно, тайно. Искренность каждого заявления – «Это кто хоть опять доску из забора сбондил?!» – была абсолютной.

На улицу наш двор выходил тоже двухэтажным домом, он был поменьше соседних, но зато – самым аккуратным и даже нарядным. Наличники окон украшены резьбой, созвучной с воротами – такие же, только поменьше, цветы и еще листики в обе стороны. Сверху и снизу в наличниках были узкие фигурные прорезы, очень украшавшие их.

Окна нижнего этажа имели ставни, закрывавшиеся каждый вечер с помощью гремучих засовов: железные полосы, соединенные с тяжелыми болтами, были укреплены с левой стороны окна и прижимали к нему ставни, а болты проходили по просверленному каналу сквозь толстую стену и удерживались изнутри всегда висевшими рядом с дыркой коническими деревяшками или просто большим гвоздем, которые вставлялись в прорезь на конце болта. Иногда мы, разыгравшись, в порыве озорства, начинали, как стемнеет, стучать в эти ставни, затем разбегались, кто, куда и наблюдали, что будет. Если выходил, кто из взрослых, затаивались, а если «наш брат» – хохотали вместе до упаду и договаривались о чем-нибудь важном, необходимом для следующего дня.

Наша семья – папа, мама и пятеро детей, занимала верхний этаж дома. Самым интересным помещением для меня были сени – просторные, высокие и красивые! Начинались они лестницей в семь

ступеней, окрашенных масляной краской – «охрой». Перила были черными, блестящими, на точеных фигурных столбиках. Лестница завершалась большой квадратной площадкой с двумя входами: налево – в жилье, направо – в кладовку. От левой двери, вдоль лестницы, был неширокий, в две доски, проход к еще одной, маленькой кладовочке, огражденный такими же, как у лестницы, перилами. Это место мне нравилось особенно: было так интересно, а в детстве даже чуть страшновато (часть столбиков не сохранилась), стоять там и, держась за перила, смотреть вниз – как на балконе! Кладовки же не нравились – из-за хлама и пыли. После восьмого класса я вычистила и вымыла большую – стало так просторно и чисто, что с тех пор всегда перебиралась в нее на все лето. Спала на лавке, а на пустовавших полках расставила книги, стаканчик с одуванчиками или с левкоями и альбом с фотографиями киноартистов, их тогда покупали себе все девчонки. Здесь, в непогоду, мы собирались всем двором – болтали, пели, рассказывали разные истории, играли в «пьяницу», в «подкидного» или в города.

В глубине двора было два флигеля – деревянный и кирпичный. В деревянном жила семья Ардашевых. Их дочь Вера, ровесница моей старшей сестры, называла меня своей подружкой и всячески опекала: подкармливала, учила вышивать, обвязывать крючком носовые платочки. Из восьмого класса она ушла работать на какой-то «эвакуированный завод», потом вместе с ним года на два уезжала в город Горький, а, вернувшись, стала работать на швейной фабрике. Помню, когда пришло время мне вступать в пионеры, мама никак не могла купить галстук. И вот, завтра утром торжественная линейка, а мама опять пришла с работы без галстука! Вся в слезах стою у крыльца, и тут идет с работы Вера. Узнав о моем горе, стала успокаивать, отчего я заревела еще сильнее. Наконец, она вытерла мне слезы и строго приказала идти домой и делать уроки, «а я что-нибудь придумаю». Через какое-то время она приходит и приносит красный ситцевый галстук, сшитый из половины ее платка, который надевался по праздникам – на демонстрацию, субботник или воскресник. На другой день я стала пионеркой, а в ближайшее воскресенье Вера повела меня в фотографию, и мы сфотографировались с ней «на память», я – в этом самом галстуке.

Кирпичный флигель, все называли его «каменушкой», стоял напротив деревянного, ближе к заднему двору. Говорили, что раньше, «у хозяев», он был не то баней, не то кухней. Самое памятное событие,

связанное с ним – воровская кража: летней ночью, через трубу, залезли воры и много чего утащили. Особенно страшно было то, что в доме в это время спали жившие в нем сестры-старушки – Агриппина и Анастасия Федоровны. Старшая была очень строгая, мы звали ее по имени-отчеству, а младшую, добрую и улыбчивую – баба Настенька. После ограбления, о котором говорили очень долго, вспоминая или уж и выдумывая все новые, страшные подробности, сестры перебрались жить в деревянный флигель, а семья с тремя детьми, жившая там «на уплотнении» – в каменушку. Рядом с ней был большой погреб, тоже кирпичный: целая комната, а посередине – лаз, прежде закрытый тяжелой, сколоченной из толстых досок «западной», а потом совсем открытый. Мы, конечно, лазили в него: глубоко, просторно, и чуть не доверху – лед, он не таял все лето! Со временем и погреб сделали жилым – летней кухней с подпольем.

Самым интересным строением нашего двора была – Стайка! Я не случайно пишу ее с большой буквы – такое неизгладимое впечатление произвела она на меня – на всю жизнь! Огромное, добротное, просторное деревянное сооружение с множеством разных отделений, предназначение которых было нам совершенно неизвестно. Стайка становилась для нас то кораблем дальнего плавания, то сценой театра, то цирком. Капитан корабля – брат Толя, стоял на капитанском мостике, который находился на узком поперечном проходе второго этажа, огороженном красивыми, как у нас в сенях, перилами с резными столбиками. Мы уже не застали ни дверей, ни перегородок между разными помещениями Стайки. Особым украшением ее была входная дверь, вернее, ворота. Высоченные и широченные, они были укреплены справа и «ходили» свободно, описывая огромную дугу. В раме ворот из досок разной величины и формы был составлен красивый рисунок: посередине круг, а от него расходились лучи. Эти ворота служили нам источником радостей: мы по очереди, а то и сразу по двое-трое, катались на них, пока, в конце концов, не сломали.

Став постарше, мы устроили в Стайке театр, вернее, она стала сценой. Разыгрывали спектакли. Для декораций и костюмов из домов вытаскивалось все, что только удавалось найти и вынести: стулья, табуретки, платки, юбки, сарафаны взрослых.

Нашими зрителями были родственники, не только не запрещавшие, но даже поощрявшие эти увлечения, и соседи, в том числе из других дворов. Мы и билеты продавали, а после представления, «на выручку»

покупали мороженое, и это тоже было действо. Все вместе шли к кино-театру «Темп». Напротив него, на углу улиц Республики и Дзержинского, около ресторана «Сибирь», стояла мороженщица в клеенчатом фартуке, с тележкой, на которой, в специальном отверстии был установлен высокий узкий бачок. Полная, румяная, смешливая тетя Дуся круглой алюминиевой ложкой с длинным черенком доставала из бачка мороженое, плотно укладывала его в жестяную формочку, предварительно положив на ее дно круглую вафлю, а потом, накрыв еще одной вафлей, движущимся доньшком выглаткивала мороженку и отдавала покупателю. Формочки были двух размеров. Мы всегда брали те, что поменьше: вафель получалось вдвое больше. Каждому, конечно, по целой мороженке не доставалось. «Выручки» хватало на две, иногда на три, а то и на четыре – это, когда кто-нибудь из взрослых зрителей интересовался: «Ну, что вы там насобирали?» и добавлял недостающие на число полных порций копейки. Чаще всего таким зрителем был брат Толя: он виртуозно играл в чику, и в его карманах вечно бренчала мелочь. Держа мороженку двумя пальцами за вафли, получивший облизывал ее четко определенное число раз и передавал следующему, вафли также делили на всех поровну.

Зимой двор был занесен снегом. Любимыми играми в это время были снежки и катанье – на санках или на коньках, которые с помощью палочки и веревочки, прикручивались к валенкам. Коньки были привилегией мальчишек, нередко и им доставалось лишь по одному. Катались в канавах, что шли вдоль улицы и заранее расчищались валенками до блеска, или – на Масловском взвозе, это уже когда становились постарше. Из девчонок первой на коньки, настоящие, с ботинками, в пятидесятых годах, встала, конечно, Зойка. Как только на стадионе, у базара, залили каток, она стала ходить туда регулярно, коньки брала напрокат. Я сходила лишь два – три раза. Понравилось очень: музыка из репродукторов, веселые смелые ребята, но была я неумелой, стеснительной, да и денег не водилось. Зойка же была отчаянная, да еще и «обеспеченная», что объяснялось наличием коровы Зорьки и умением ее мамы, тети Оли, шить дочери красивые наряды. Ну и вот я оставалась дома, готовила уроки. Зойка возвращалась, веселая, румяная, искренне сожалела, что я «опять не пошла с ней», быстренько переписывала в свою тетрадку выполненное домашнее задание и бежала домой отчитываться о сделанных уроках, что было условием для следующего похода на каток.

Летом весь двор обильно зеленел травами и акацией с желтыми сладкими цветами, к осени превращавшимися в длинные узкие

стручки. Их семена мы съедали, а из створок мальчишки делали свистульки, и улица оглашалась частыми звучными сигналами, веселившими нас и надоедавшими взрослым.

Очень любили прыгать – «в классики», «в баночку», со скакалкой или на доске, положенной на бревно. На доске прыгали вдвоем, а то и втроем, это когда третья сменяла то одну, то другую, общий ход прыжков при этом не прерывался. Какое удовольствие было взлетать и с силой опускаться на доску, чтобы как можно выше взлетела твоя напарница! Мальчики на доске не прыгали, это уже была привилегия девочек.

К экзаменам (мы сдавали их ежегодно, с четвертого по десятый класс) я всегда готовилась на крыше: Толя так же делал в свое время. Для тренировки и воспитания храбрости добиралась, под его надзором, до самой высокой точки, вставала в полный рост и, держась за трубу, оглядывала все вокруг. Особого удовольствия при этом не испытывала – побаивалась. Потом осторожно спускалась на плоскую крышу сенок. Здесь располагалась комфортно: укладывалась на спину и наедине с небом чувствовала себя счастливой! Потом переворачивалась, шелестела страницами учебников, с удовольствием перечеркивала каждый выученный билет и, в награду – снова глядела в небо.

Как-то, в классе десятом уже, вечером, там, на крыше, вдруг, услышала громко звучащую пластинку: «Счастье мое я нашел в нашей дружбе с тобой». Пораженная, я вскочила, взглянула в направлении звука – на крыльце Ардашевского флигеля стоял новенький патефон, а рядом – торжественный и смущенный Толик Шевченко из каменушки. Я все поняла: Тарас Григорьевич, так величал его отец, осуществил свою мечту – купить с первой полочки патефон с пластинками. Он окончил железнодорожное училище и работал кочегаром на паровозе, где мой брат Дима был помощником машиниста.

Вихрем слетела я с крыши, с ликующим возгласом порхнула к музыке, заморожено, как впервые, уставилась на вращающуюся пластинку, забыв поздравить «именинника». Тут он подходит и приглашает меня на танец. А от всех дверей и соседских дворов, уже идут и идут к нам удивленные и радостные сверстники.

Кажется, именно тогда, этим поющим патефоном, мы распрощались с нашим дворовым детством.

УЛЫБКА ШКОЛЫ

В одном городе жила-была школа. Она не была юной и даже молодой. Это была вполне взрослая и уже состоявшаяся особа. Однако, она усердно скрывала свой возраст и даже молодилась, кокетливо представляясь всем гимназией. На переменах, как и когда-то давно, звучали звонкие детские голоса и смех. И многие, очень многие считали эту школу самым настоящим домом: кто-то вторым, как это с давних пор водится у многих школ, а кто-то и первым, самым главным домом в своей жизни. Одна семья даже постоянно жила тут: отец сторожил, а мать мыла паркет в рекреациях, когда оттуда уже все расходились, а их сын учился в этой школе.

И вот однажды, в самый обычный осенний день эта школа заболела. Так сказал строитель, который пришел осматривать ее по чьей-то (никто никогда так и не узнал, по чьей именно) просьбе. И вот этот строитель разочарованно разводил руками и делал страдальческие глаза, говоря, что школа больна безнадежно, она слишком стара, и современные технологии ничем не могут ей помочь.

«Что же делать?», – плача, спрашивали учителя и ученики – те, кто не мог жить без своей школы. «Сносить, остается только сносить», – сухо отвечал строитель. «А может быть...», – предлагали что-то родители, которым было больно смотреть на своих рыдающих детей. «Нет, ничего не поможет», – все так же механически констатировал специалист. «А вдруг, а вдруг, мы прочитали...», – неслись к нему с очередной идеей дети. А что мог ответить эксперт? Тот, по чьей просьбе он пришел в первый раз, был неумолим – ведь школа была в центре этого города, рядом был чудесный парк, а значит, земля под школой стоила очень дорого.

«Но вы же строитель!», – прорывался сквозь слезы крик учителей. «Так стройте, в конце концов, а не ломайте!».

А он продолжал ломать, не обращая внимания на плач и стенания за спиной. И доломался до того, что от школы не осталось ни кирпичика.

Где-то у городских начальников лежал проект новой школы, с бассейном и тремя спортивными залами. Но ведь это только проект.

А строитель за все это время ничего не построил, а только разрушил.

— Он разрушил дом. Понимаете: строитель (!) разрушил чей-то дом! Как будто это была война, а строитель записался в солдаты и громил чужие, вражеские дома. Но этот-то дом был свой, родной, наш.

— А пока вместо старого, уютного, своего дома у всех был проект нового и неизвестного пристанища — несколько листов бумаги с нарисованным зданием. Ах, да, сохранилась еще табличка старой школы — это была ее улыбка, которой она встречала проходящих к ней. На табличке был номер — 16.

ТЮМЕНСКИЕ БЫЛИ

«Минувшее проходит передо мною», – подобно видениям пушкинского Пимена на внутренний экран моего сознания порою проецируются образы былого с людьми в городских интерьерах, возникают наплывом знакомые лица, вдруг озвучиваются былые разговоры, в мимике, жестах, улыбках... Вот о таких видениях прошлого, давних встречах и общениях с известным тюменцем, и хочу рассказать.

Первооткрыватель.

Решено создать документальную повесть о первооткрывателях тюменской нефти и газа. Авторами будут выступать местные писатели и журналисты. Но и люди бывалые, знающие на зубок профессию разведчика недр. Составитель сборника – писатель Владислав Николаев. Заходим в кабинет заместителя начальника тюменского геологуправления Александра Быстрицкого. Мой товарищ, с порога, вытянувшись, громко рекомендует (я про себя усмехаюсь): «Член союза советских писателей Николаев!.. Писать ничего вам не надо, – говорил Николаев – а только повспоминать, как все начиналось. Запишет ваш рассказ и подготовит в печать вот наш литератор Виктор Хмелев». Я кивнул. Не скажу, что предложение было принято Быстрицким «на ура». Поначалу, ссылаясь на перегруженность, хозяин кабинета даже отказался. Но перед серьезностью проекта, санкционированного высокими партийными кругами, на которые намекнул Николаев, – сдался. Мы договорились о встречах после работы. Знать бы, какие вериги налагаю на себя!

Хотя понимал. Во Франции таких переводчиков с объемной вертикали языка устного на горизонталь письменного называют авторами-призраками. Задача его, как у поводыря, – взять бывалого за руку и провести из начала в конец повествования, торя дорожку, по возможности, его же словами.

Казалось бы, чего проще: слушай и черти себе пером, почти секретарски. Потом почисти рукопись, приведи в порядок, дай на подпись, и материал готов. Ан нет. У слова изображенного графически, и слова проговоренного, воспринимаемого в звуковой окраске, – свои особенности. Последнее всегда сдобрено мимикой, жестом, интонацией рассказчика. Обращено поэтому, скорее, к чувственному восприятию.

Слово печатное не так интимно, входит в разум через узкую щель. Весь вопрос в том, способна ли его суховатая графика возбудить у читателя адекватные слушателю чувства. Иstorгнуть некий музыкальный аккорд. Создать картину. Ни в коем случае не забывая авторскую речь чужеродными для него понятиями.

Не потому ли блекнут иные устные рассказы при напечатании, что не получается образ доверительного авторского присутствия. Другое. Воспоминания хаотичны, лишены нужных литератору подробностей. Требуется их добыть. Записанное осмыслить, выстроить... Это большая трудоемкая и одновременно творческая задача.

Лауреат Ленинской премии.

На меня свалилось еще более трудное: рассказчик оказался чрезвычайно скуп на слова, если они не были специальными типа, «каротаж», «перфорация»... Нужно было вытягивать из него вопросами. Ведь такой скупец вовсе не лишен собственных ярких картин. Он просто таит их в себе. Ему достаточно сказать: «Дали точку... Построили вышку... Забурились...» И он видит былое объемно, с людьми, в движении, разговорах, разных передрыгах... А мне каково! К тому же в производственной фразеологии – ни бум-бум. Приходилось собеседника, останавливать на каком-нибудь термине, выспрашивать:

- Точку дали вы или вам?

- Разве не ясно? Разумеется - нам, геофизики.

- Хорошо, вот вы прибыли в Березово, кто вас там встретил?

Я уж подумывал, не бросить ли это неподъемное дело.

- Что не раскалывается? – посмеивался Николаев в ответ на мои стенания и торопил: – Давай коли дальше, сроки поджимают. Зато, какой человечество! Лауреат Ленинской премии! Первооткрыватель!

Как раз это меня и удерживало – масштаб личности. Близость к вулкану им разбуженному. Еще упрямство, тоже становящееся злым: не берут в сотоварищи – не надо; держат за надоедливую просителя – переживем.

Мой автор, тем временем, завидев меня, становился все более суровым. По-моему, мы начинали тихо ненавидеть друг друга. Быть взрыву! Но чем больше я вытягивал, тем больше ценил тяжесть груза им пережитого. Начиная с маньчжуро-монгольской границы. Далее – Кольский полуостров... Известие о войне застало в Коми АССР только на четвертые сутки... Летал штурманом на бомбардировщи-

ке... Молдавию после за шесть лет исколесил вдоль и поперек. Потом – Сибирь... В Березове, как раз в год смерти Сталина, – в качестве начальника буровой партии стал зачинателем события, которое не побоюсь назвать, прозрев на него уже из нашего времени, – эпохальным. Он, подобно сказочному персонажу, сказал тюменским недрам: «Сезам откройся!» И послушались, открылись, дали газ. Потом dospели другие открытия, так же и нефти. Страна поднялась на невиданную экономическую ступень.

Телефонный звонок.

В конце концов, Быстрицкий не выдержал. Позвонил в писательскую организацию Николаеву. Взмолился:

- Послушайте, вы кого ко мне привели? Он допрашивает меня как следователь, понимаешь!

Николаев отвечает:

- Он следователь и есть. Капитан милиции. Старший следователь УВД. Расследует уголовные дела в рабочее время. Занятие лекарем, говорил Чехов, для него работа, а литература – любовница. Вот и ходит к вам Хмелев тоже, так сказать, налево. А женат – на юриспруденции, к слову, я уже тогда наработывал кое – какой литературный опыт, видимо оцененный Николаевым, сотрудничал в областных газетах, а по ночам писал некую производственную милицейскую повесть. Она выйдет несколькими годами позже в журнале «Урал», а затем отдельной книгой. Неведаю почему, но мой автор после этого круто переменялся. Потеплел. С наших бесед слетел налет официальности. Они становились все более доверительными.

И тут уже он терзал меня вопросами: – Как понимать презумпцию невиновности?... «Что, задержание на трое суток еще не арест, разве?...», «Как, следователь не может быть сыщиком – опером? Странно... Разве это не одно и то же?», «А, правда, говорят, нельзя называть преступником до суда?» – «Да сколько угодно. Называй хоть горшком, – я пошутил на свой лад, – только под кровать не ставь. Но если по закону – никто не имеет права, кроме суда выносить приговор, лишать свободы, определять наказание. Повторяю: это прерогатива суда. Массовое же сознание, толкуя закон на свой лад, кокетничает перед самим собой...».

Случай или закономерность?

И вот то памятное 23 сентября 1953 года. Вдруг рывкнула в ночную смену под буровой земля и давай выплевывать из себя стальные

трубы, будто макароны. Громоздкий, более трех тонн весом, крон-блок сорвало с вышки и забросило далеко в тайгу. Шел ужасный грохот. Это вскинулся и забил восьмидесятиметровый фонтан минерализованной воды, песка и газа. То заявила о себе в аварийном выбросе эра мезозоя. К счастью, никто не пострадал.

Но дрогнула не только древняя земля. Получили хорошенько по зубам и скептики-малoverы, предрекавшие провал поисковых работ в Западно-Сибирской низменности.

Начальство тоже до этого не прибавляло оптимизма, успев поразмахивать дисциплинарной дубиной: вклеить строгача за самовольное строительство буровой – вне указанной точки для бурения. А ведь знало, что разница в километр-полтора вполне допустима. Зато к реке Вогулке ближе; все тяжеловесы, трубы, буровые станки, лебедки, прибывшие по воде, ближе тащить. Оно же, очевидно, тоже из неверия в успех обрекло буровую на многомесячный простой, лишив шестидесяти тонн горючего, уже загруженного для нее в Ханты-Мансийске. Перенаправив его в Леуши.

Быстрицкий звонил в трест, требовал отменить дезертирский приказ. Писал жалобу в Москву в министерство геологии. И добился... отлучения от буровой с переводом на тюменский юг – в Покровку.

А ведь рвануло именно в той точке, какую избрал Быстрицкий, даже не подозревая, что им руководило само провидение. «Правильная» буровая потом оказалась пустой.

Случайность? Нет. «Ищите и обрящете». И случай, выходит, закономерен!

Здравствуй, Березово!

Воспрянули духом оптимисты. Ошеломленное начальство сразу пошло на-попятную. Вернуло строптивца в Березово укрощать фонтан и к дальнейшим бурильно-поисковым работам. Через год с небольшим из скважины номер четыре впервые на Тюменщине пошел сухой газ.

- В декабрьское воскресенье пятьдесят четвертого года, как сейчас помню, – уточнил Быстрицкий, заканчивая беседу. – Километрах в пяти-шести от поселка. А всего уже открыто на данный момент в Березовском газоносном районе – пятнадцать.

Теперь, прозрев друг друга, мы легко завершили работу, маленькая неувязка в конце – не в счет. Вдруг начал интриговать авторитетный в кругах геологов писатель (не буду его называть), даже со-

стоящий у них в какой-то синекуре, – стал подбивать моего автора не подписывать очерк, объявив его легковесным. Но, в конце концов, все утряслось.

Книга «Разбудившие землю» издана в 1965 году в Свердловске (259 страниц), открывается большим материалом начальника геологоразведочного управления, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии Юрия Эрвье. Она получила, как говорится, хорошую прессу. Особо был отмечен очерк Быстрицкого «Здравствуй, Березово!» за простоту, ясность языка.

- Я лучше всех написал, – всем говорил потом довольный мой автор.

Идут годы, и стало забываться имя. На днях ведущий радио «Эхо Москвы» на всю страну засомневался, кто же открыл газ в Сибири?! Может, Салманов? Да, Салманов. Что ж, значительность вклада последнего в развитие нефтегазового комплекса никто не оспаривает. Но первую борозду в деле освоения сибирских недр пропахал все-таки Александр Григорьевич Быстрицкий, «гений удачи». Запомним это да воздадим первооткрывателю честь и хвалу!

АРХИТЕКТУРНОЕ ЧУДО ТЮМЕНИ

Наша коренная тюменская семья любит здание архитектурно-строительного университета на Никольской площади Затюменского мыса. Это самое высокое место, откуда можно видеть панораму города, особенно простирающуюся в дымке Зареку, одетую летом в зеленые кружева, в золото – осенью и в серебро - зимой. Вознесенский храм, фанерный комбинат, далее по горизонту трубы ТЭЦ, а вблизи ажурность моста Влюбленных, долгожданная растущая красавица набережная.

Мне всегда кажется, а это на самом деле так, что здание является архитектурной короной города.

Мое детство прошло в Затюменке и каждый раз, когда мы проходили мимо этого здания, моя бабушка с благоговением в голосе произносила: «И строили же купцы Колокольниковы на века». И это, действительно, так.

Этот уголок города люблю не только я и наша семья. В конкурсе путем голосования жители города и гости признали здание «чудом Тюмени».

Здание строилось для коммерческого училища. И храмом науки оно было большую часть своей истории.

Но было всякое. Сразу после постройки, в первую мировую здесь был госпиталь на 50 коек, в 1918 г., – когда Тюмень захватили белогвардейцы, здесь размещался чешско-американский госпиталь для белой армии. Он занимал половину училища и эвакуировался вместе с армией Колчака.

Здесь пребывала и музыкальная школа, правда короткое время.

В первые же годы советской власти здание несло просвещенческую миссию – был организован первый тюменский ВУЗ.

Эту миссию прервала война, и опять госпиталь. А после окончания войны опять храм науки: сначала школа, а потом ВУЗ.

С образованием области высокая власть успела положить глаз на это красивое здание и поселилась там, пока не построили новое административное здание.

У моей мамы с этим зданием связаны некоторые факты ее жизни, о которых она мне рассказала: «На противоположной стороне улицы,

рядом с Кресто-Воздвиженской церковью был детский сад, который я посещала. И вот перед первым маем пришли студенты в детский садик выбрать пассажирку для макета самолета, сделанного ими для демонстрации. Выбрали меня, наверное, за кудрявую голову» – смеюсь, говорит мама. И как сейчас помню, мне было лет семь, теплый солнечный день 1 Мая. В белом батистовом платье я «летела» над ликующим морем демонстрантов, а «полет» обеспечивали мускулистые руки студентов пединститута, который размещался в здании бывшего коммерческого училища. Авиация в те годы только зарождалась, и это было сенсацией.

В годы Отечественной войны мой город стал центром восстановления здоровья раненых. Уже на третий день войны начали развертываться госпитали. Всего их в городе было девятнадцать, один из них разместился в здании бывшего пединститута. Стоном и болью было наполнено здание в годы лихолетья. Я в эти годы была ученицей школы № 26, расположенной на той же улице Луначарского. И мы, ученики, группами и в одиночку шли в госпиталь для оказания помощи раненым: подать попить, прочитывать письмо, газету, написать письмо. Еще мы, школьники, устраивали концерты художественной самодеятельности. Уж, какими там были мы артистами! Но всегда получали благодарные аплодисменты и даже кусочек сахара.

И еще был эпизод в жизни моей мамы, который связан с этим зданием.

В год образования области (1944 г.) создавались новые административные структуры, в том числе требовался и технический персонал. Мама решила прекратить учебу в школе, т.к. наша семья, как и весь советский народ, жила в нужде – не доедали. Она пошла, устраиваться секретарем в Облисполком, который находился в этом красивом здании. Одним из первых вопросов к ней при устройстве на работу был: «Есть ли у Вас туфли на высоком каблуке?» Не трудно представить, как она была одета в то военное время. А на ногах было что-то, что трудно соответствует названию «туфли». Вопрос работодателя подтолкнул на продолжение образования. Она вернулась в школу и, в конечном счете, получила высшее образование. Разве можно не любить это здание, которое вывело ее на дорогу жизни?

Менее года осталось до того времени как наш любимец, вечно молодой, вступит во второй век своего существования, а он стоит как скала.

Всякое было в истории, но главное предназначение – храм науки. Каким он и остается и в настоящее время.

Теперь это Архитектурно-строительный университет. Мемориальная доска подчеркивает значимость, и здание остается визитной карточкой нашего города, и пусть его «музыка в камне» звучит вечно, радуя нас, тюменцев и гостей города.

Меня особенно восхищает величественность здания, недаром на Пражской выставке проект получил золотую медаль.

ЛОСИКИ-ГУБАСТИКИ

Раньше я никогда не видела лосей, хотя была во многих зоопарках, как в России, так и за рубежом. Северного оленя приходилось видеть, а вот лосей – нет, ну разве что в телепередачах и на картинках. Но это не в счет.

В начале мая мне довелось побывать на лосиной ферме в д. Турнаево, которая расположена в 130-ти километрах от Тюмени по Велижанскому тракту, где я впервые увидела этих великолепных чудо-животных.

Собираясь в поездку, я подготовила для лосей угощение в виде нарезанных яблок и моркови, которые они охотно брали из моих рук. Посетители лосефермы периодически подкармливают подобными сладостями лосиков, но основным их питанием остаются все-таки листья и кора различных деревьев, об этом свидетельствуют ободранные стволы растительности в загонах. Несмотря на то, что лоси являются самыми крупными и сильными животными российских лесов, на ферме они показали вполне контактными представителями животного мира, и даже позволяют себя погладить – шерстка у них жесткая, густая. Внешне лось длинноногое животное с мощной грудной клеткой, коротким туловищем и тяжелой горбоносой головой. Имеет очень большие, широкие и подвижные уши, широкие ноздри, а верхняя губа – вздутая и нависает над нижней. Когда лось берет корм с руки, то он этой верхней губой мягко загребает пищу. Главным украшением лося являются его ветвистые рога, которые также выполняют и защитную функцию. На рогах имеются отростки, по количеству которых можно определить его возраст. Именно из-за рогов, своей формой напоминающих соху, часто лосей называют «сохатыми».

На момент посещения лосиной фермы только у единственного самца начали вновь отрастать рожки. Жаль, что нам не удалось увидеть сохатого во всей его красе. С ветвистыми рогами их можно встретить лишь осенью, во время брачного периода. При поездке на лосеферму нам повезло еще и тем, что мы смогли, издали увидеть лосят недельного возраста: они такие забавные, выглядят будто игрушечные. Сотрудники фермы поселили их в отдельный вольер – подальше от посторонних глаз.

По словам экскурсовода, к лосям фермы применяют так называемый «полувольный» метод их содержания, а это значит – лосей периодически выпускают в лес, что позволяет им чувствовать себя свободными, незапертыми в загонах. Но обратно возвращаются далеко не все.

ОБИЖЕННЫЕ ЛОДКИ

Дом в районе Метелево расположился у высокого берега реки так, что с балкона можно наблюдать ледоход или проплывающие красавцы-теплоходы. Около берега в ряд выстроились деревянные лодки местных рыбаков. Отец двоих школьников Виктор тоже приобрел лодку и прикрепил ее цепью с замком. Однажды вечером к нему зашел рыбак из соседнего дома и пожаловался на то, что несколько сорванцов, в том числе и сын Виктора Васек, шныряли около лодок и ради баловства пробивали в них дыры. Виктор обещал разобраться.

Когда Васек вернулся с прогулки, отец начал воспитательную беседу: «Как ты мог совершить такой нехороший поступок? Ты же октябренок! У тебя отец – рыбак, ты должен был приструнить хулиганов. А ты не только не остановил своих товарищей, но и сам стал преступником».

Первоклассник опустил голову, и, казалось, осознал всю тяжесть содеянного. Пообещал, что больше никогда не будет так делать, и добавил, что он всего-то один раз стукнул по лодке, а потом смотрел, как мальчишки продолжали увечить безответные деревянные рыбацкие сокровища.

Отец продолжил воспитательную работу: захватив ящик с инструментами, за руку повел сына к реке, где стояли обиженные лодки. Долго ремонтировали деревянные раны, вернулись домой поздно вечером. Васек устал и быстро уснул. Он на всю жизнь запомнил, как надо исправлять свои ошибки, и в душе осталась благодарность отцу за то, что тот никогда не поднимал руку на ребенка, а находил другие методы наказания и воспитания.

В ТЮМЕНИ ОСЕНЬ

The musical score is written for guitar and voice. It consists of 11 staves. The first staff is the guitar part, and the subsequent staves are the vocal line. The chords are indicated by letters above the notes. The key signature is one flat (B-flat), and the time signature is 4/4. The tempo is marked 'Andante'.

Chords indicated in the score:

- Staff 1: G, B-, C, G
- Staff 2: A-, B, C-, D
- Staff 3: G, B-, C, G
- Staff 4: A-, C, C-, D
- Staff 5: G, C
- Staff 6: A-7, D, D4
- Staff 7: G, C
- Staff 8: A-, D, G, E7
- Staff 9: A-, D, G, C
- Staff 10: A-, D, E-7, C-

Осень тюменскую люди недаром
Ласково кличут порой золотою!
Стал нам сокровищем, истинным кладом
Дивный пейзаж под небесной фатою.

Гордо сверкает янтарное солнце
В облачной чаше медового неба.
Сонно сияют колосья-червонцы
Теплой периной сибирского хлеба.

Ярким пожаром кленовые листья
В вихре бегут под лимонным закатом.
Грозные молнии в сумрачной выси
Смело блестят переливом граната.

Где-то в низине искрятся росинки,
Прячась игриво в веснушчатых травах.
Призрачным строем летят паутинки
В огненный шквал золотистой дубравы...

В жарком кострище шафрановых лилий
Блеклые дни, словно тучи,растают...
Жаль, только птицы все это не видят –
Птицы на юг, как всегда, улетают.

ЧТО Я ДЕЛАЮ В ЭТОМ ГОРОДЕ...

9
Что я де-ла-ю в э-том го-ро-де? По-че-му я о-се-ла тут? По-то-

17
му что э-ти в-у здесь мо-ло-до, по-то-му что я здесь по-ю! Э-тот

25
го-род мне стал на-ход-ко-ю, за-ме-ни Бех-те-ри мо-и. Как в у-

33
ют-ной на-деж-ной лод-ке я в нём плы-ву до сво-ей за-ри. Как в у-

42
ют-ной на-деж-ной лод-ке я в нём плы-ву до сво-ей за-ри. Для ме-ня то не

50
ста-ло бре-ме нем, что с Тю-мень-ю судь-ба сле-ла, где ис-тер-ты людь-

59
ми и вре-ме-нем гра-ни го-ро-да и се-ла. Где ис-тер-ты людь-ми и вре-

65
-ме-нем гра-ни го-ро-да и се-ла. Об-ста-я-тель-ство э-то лю-бо мне,

76
о-ку-нусь с го-ло-вой в тол-пу. А ус-та-ну-вдох-ну и вста-ну вне.

"Ах, остав-те ме-ня од-ну..." Что я де-ла-ю в э-том го-ро-де? По-че-

му я о - се - ла тут? По - то - му что жи - вут здесь мо - ло - до, по - то -

му что со мной по - ют. По - то - му что жи -

дут здесь мо - ло - до, по - то - му что со мной по - ют!

Что я делаю в этом городе?
 Почему я осела тут?
 Потому что живу здесь молодо,
 Потому что я здесь пою! } 2 раза

Этот город мне стал находкою,
 Заменял Бехтери мои.
 Как в уютной надежной лодке я
 В нем плыву до своей зари. } 2 раза

Для меня то не стало бременем,
 Что с Тюменью судьба свела,
 Где истерты людьми и временем
 Грани города и села. } 2 раза

Обстоятельство это любо мне.
 Окунусь с головой в толпу.
 А устану – вздохну и встану вне:
 «Ах, оставьте меня одну»... } 2 раза

Что я делаю в этом городе?
 Почему я осела тут?
 Потому что живут здесь молодо,
 Потому что со мной поют! } 2 раза

Я ЛЮБЛЮ ТЮМЕНЬ

Я гуляю по Тюмени очень весело
 пою. Стали двигаться все тени по пути лишь
 моему. Кто следы здесь оставляет — это дети
 шалуны. Они бегство возвращают все тюменски
 — в огни. Тюмень хранит добрые следы,
 стали вместе мы счастливы — вы — мы. Растёт Тюмень
 заживит следы в окнах огоньки. Здесь встре-
 чаются сердца. Тучи не я люблю тебя.

Я гуляю по Тюмени,
 Очень весело пою.
 Стали двигаться все тени
 По пути лишь моему.
 Кто следы здесь оставляет,
 Это дети шалуны,

Они в детство возвращают
Все тюменские огни.

Припев:

Тюмень храни
Добрые следы,
Стали вместе мы
Счастливыми.
Растет Тюмень,
Зажигай следы,
В окнах огоньки,
Здесь встречаются сердца,
Тюмен, я люблю тебя!

След дворовый на качелях,
В восемь лет летала я,
Босиком в песке, по лужам
Ножка-крошка детская.
Валенки топ-топ, сапожки,
Я по улицам, мне год,
Каждый в детство здесь дорожку
В этом городе найдет.

Припев:

След оставь в Тюмени добрый
В прошлом, будущем, сейчас.
Пусть растет с тобою город
Во все стороны для нас.
Строй свои мечты домами,
Расширяя горизонт.
Только дружными шагами
С солнцем ты иди вперед.

Припев:

Свой смех надуй в воздушный шар.
Он рассмешит земной весь шар.
Следы сфотографируй до небес.
Ты сохрани их для чудес!

Музыка Александра Смирнова
Стихи Галины Колодко-Кривошей

НЕТ ПРЕКРАСНЕЙ ТЮМЕНИ

S: Russian chanson 2.

V: Drawbar organ + string.

Intro. L. Тю - мень сто - ли - ца - на Си - би - ри и
ма - го - по - ли - сом зо - вут: о - на рас - тет все
ши - ре, ши - ре, до - на вста - ют и там и тут. Си -
рой, но нет пре - крас - не - ей Тю - ме - ни, ко - га
об - ле - ти весь мир зем - ной. 2. Здесь
об - ле - ти весь мир зем - ной.

Chords: Em, Am7/9, B7, C, Am7, B7, G7+, C7#, Em7, B7, Am7, B7, G7+, C7+, Em7, B7, Em7 + 1/2, End:ing.

Тюмень столицей Сибири
И мегаполисом зовут:
Она растет все шире, шире,
Дома встают и там, и тут.

Припев:

Зимой здесь снег, пурга, метели,
А летом нестерпимый зной,
Но нет прекраснее Тюмени,
Хоть облети весь шар земной.

Здесь море сквериков зеленых,
Сама Тюмень – сплошной цветник.
А сколько встретишь здесь влюбленных –
Здесь все для них, здесь все для них!

Припев:

И где б судьба нас не носила,
И где б нам не пришлось бывать,
Дороже нет тебя, Россия,
Тебя, Тюмень, – родная мать!

Припев:

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Владимир Кутрунов	3
Мария Кутрунова	4
Мария Микерина	6
Федор Лоенко	7
Татьяна Погребнюк	8
Наталья Степанова	10
Людмила Дрозд	11
Сергей Дюкалов	12
Петр Шевченко	15
Василий Слободенюк	16
Светлана Ярмухаметова	18
Анатолий Киселев	19

Проза

Валерия Менабде	20
Юрий Зубков	22
Сергей Долгих	24
Светлана Ярмухаметова	26
Светлана Ерофеева	31
Юрий Лысков	35
Галина Антонеvская	37
Людмила Дрозд	40
Алексей Кузнецов	49
Виктор Хмелеv	51
Элла Бараусова	56
Алла Шамсутдинова	59
Ирина Жгурова	61

Песня

Юрий Волков	62
Светлана Ярмухаметова	64
Василиса Матвеева	66
Александр Смирнов	68

Сборник произведений

Ода Тюмени

Выпуск 6

ООО «ИД «Титул»,
625000, г. Тюмень, ул. 30 лет Победы, 81/3,
тел. (3452) 74-25-42

Подписано в печать 24 июля 2013 г. Формат 60x84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная (обложка).

Усл. печ. л. 4,13.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Печатный дом «Слово»
г. Тюмень, ул. 30 лет Победы, 33/6

